

По кругу ходить небезопасно

Татьяна СЕМАШКО

- Во все времена в России были люди, которые умели считать деньги. Разумно ими распоряжаться, - говорит Леонид Алексеевич. - Сейчас мы часто вспоминаем их имена - от Демидовых до Елисеевых... Но всегда в России было и то, что существовало как бы «поверх денег». Было выше денег. Честь, совесть, любовь, искусство... Только в России можно до утра просидеть с друзьями за столом (а то, что на столе почти ничего нет, - дело десятое), и говорить, говорить и чувствовать себя счастливыми. В нашей такой беспечности - прелесть этой страны. То неистребимое, что привлекает к нам людей. Это наша специфика. И не считаться с ней нельзя.

Думается, многие нынешние начинания без учета характера нашего народа будут безуспешны... Я очень сочувствую реформам. Но понимаю, сегодняшняя безоглядность приводит к злобе непонимающей толпы. Давайте заведем фермы, как в Голландии! Говорят одни. Мы никогда не сможем «как в Голландии». Давайте перевоспитаемся и будем как немцы - педантами. Но и этого не будет. И совсем не обязательно прибавлять тут - к несчастью. У нас собственная судьба...

- Ваш фильм «Сукины дети» - о родном Театре на Таганке. В своих интервью Вы отмечали, это картина о том, как несчастья делают людей выше и добрее. Прошло время. Подтверждает ли жизнь то, что сказано в фильме?

- Когда я снимал этот фильм, ни на секунду не обольщал себя тем, что это «чистая правда». Это сказка, желаемое. Но, как тогда, так и сейчас, я уверен: людям нужны «нежные» истории. «Нежные» истории смягчают нравы, «нежные» истории смягчают сердца. Если мы будем бесконечно отражать (сгущенно, эстетизированно) все мерзости жизни, мы рискуем ввести их в разряд нормы...

Никакая картина не способна сделать из негодяя приличного человека, как и испохабить душу. Но способна отравить сознание, подкачать человеку, сидящему в кинозале: ага, значит, и такое в жизни есть, значит, я - еще не худший. Искусство же может показать, что жизнь лучше, чем мы ее порой видим. Есть и такая форма получения удовольствия - делать людям добро. Искусству это по силам.

- Последние события в жизни Таганки трудно назвать «нежной историей»? Газеты писали о жестком и драматичном конфликте, связанном с желанием Юрия Петровича Любимова, главного режиссера, приватизировать театр...

- Причина конфликта заключается, на мой взгляд, в том, что руководитель и создатель театра живет за границей. Ни в одной стране мира вы не найдете такой практики. У нас - возможно. Приехал раз в полтора года, что-то поставил и уехал... События меняются стремительно и Юрий Петрович Любимов, живя за границей, может иметь субъективное представление о чем-то, чего-то не понимать, в чем-то ошибаться...

Сейчас речь идет о разделении театра. Долгое время никто этого не хотел. Но выясняется, что это единственный способ сохранить и ту часть коллектива, которой по телефону из-за рубежа руководит Юрий Петрович Любимов, и ту, которая хочет жить автономно. По закону у нас есть на это абсолютное право, но документы прочто «осели» в мэрии. Не знаю, чья это вина, бывшего ли мэра, сегодняшнего? Но что я в этой связи должен думать по поводу московских властей?

- У Таганки были и прекрасные

В отличие от многих своих именитых коллег, Леонид Филатов не выступает в парламенте, не работает в министерстве, не заседает в комиссиях и даже, как он с юмором заметил, «ничей не советник»... Популярный актер театра и кино, режиссер нашумевшего фильма «Сукины дети», автор известной «Сказки про Федота-стрельца удалого молодца», многих сценариев и поэтических сборников продолжает играть Сольери и Скупого рыцаря в Театре на Таганке, снимает телефильм, читает гранки своих стихов... И уже в этом вроде бы отсутствии политического «крёдо» есть определенная, отчетливая позиция. Позиция человека, отдающего всего себя искусству, творчеству. Впрочем, предоставим слово известному актеру, с которым мы встретились в стенах его альма-матер, в Театре на Таганке.

времена, когда каждый спектакль будоражил общественность. И может быть, прав Любимов в том, что жизнь театра, в общем-то, коротка? И на каком-то историческом этапе он свою творческую миссию выполнил?

- Может быть, он и прав. Однако жизнь театра - это не только то, что было вчера или есть сегодня. Это еще - и традиция. Театру нужно видоизменяться, воспитывать учеников, а этого, увы, нет. А ведь пока еще мы все живы и можем чему-то научить нашу молодежь - театр можно спасти.

Несмотря на то, что у нас с Юрием Петровичем сейчас разные точки зрения на ситуацию в театре, - приоритет за ним. Он мой театральный учитель, создатель этого дома. И все, что создано им в искусстве, с моей точки зрения, никакой ревизии не подлежит. Какие люди здесь бывали: Ираклий Андроников, Юрий Трифонов, Бэлла Ахмадулина, Федор Абрамов, Альфред Шнитке и Эдисон Денисов... Разве кто-нибудь тогда работал за деньги!

- Вхождение в рынок, на мой взгляд, больше всего отразилось на отечественном кинематографе?

- Вы правы. Но все же надеюсь, что это болезнь переходного периода. Рано или поздно мы будем смотреть отечественное кино. Все-таки наш национальный характер не так легко видоизменяется.

Ни шумные презентации, ни фестивали не заполняют вакуума в отечественном кинопрокате. Мастера кино подчас задают вопрос: для кого же они работают? Я недавно пытался узнать, кто сейчас снимает из наших именитых режиссеров. Молодых, полных сил. Работает Сережа Соловьев, говорят, что в Петербурге запущен в производство фильм Алексея Германа. Но дальше о ком ни спросишь - и тот не работает, и тот... Такое впечатление, что многие переживают, перемагаются. Как от зубной боли.

Вероятно, развитие отечественного кинематографа невозможно без дотаций, опеки государства. С другой же стороны, какая может быть опека, когда кинематограф сам так отчаянно вырывается из его лап. Вот тут и подумай: за что боролись, на то и напоролись. Рынок - жесткая вещь. К этому нужно было быть готовым...

- Масла в огонь подливает, на мой взгляд, и телевидение. Плохо срабо-

танные, зачастую пустые телепередачи как бы фиксируют снижение зрительского спроса...

- Согласен. Допускаю, весь мир может смотреть «Богатые тоже плачут». Но ведь по другим программам TV во Франции или Америке идут серьезные картины, транслируются концерты классической музыки, выступают известные художники. У нас же сколько ни «прыгай» по каналам - гульба, икра и лососина, сплошные презентации. Или возьмем передачу «Любовь с первого взгляда». Такое впечатление, что это из жизни земноводных. Я видел бы в ней смысл, если бы познакомили пожилых людей. Свели двух стариков и отправили их на Гавайи. Прекрасно! А зачем молодых людей знакомить? Зачем сводничать?

Словом, создается ощущение, что в промежутках между новостями нас стараются отвлечь и веселить. Но веселить тоже надо средствами искусства. Вахтангов в свое время в голодной Москве поставил «Принцессу Турандот». Сидела в зале, в общем-то, нищая, голодная толпа, а на сцену выходили красивые мужчины и женщины и играли прекрасную сказку.

- Ваша новая картина - красивая и «нежная» история?

- Она называется «Свобода или смерть» с подзаголовком «Любовные похождения Толика Парамонова». Название, как видите, ироническое. Это трагифарс, трагикомедия, где все слегка утрированное. Картина густо населена и нашими типами, и мировыми, поскольку действие будет происходить в Москве и в Париже. История как бы диссидента. А на самом деле не диссидента, а - графомана. В СССР его не печатали, как ему казалось, потому что он считался диссидентом. Хотелось казаться. Но когда он приехал в Париж, то его и там не стали печатать. Выяснилось, что он просто плохо пишущий человек. Но диссидентские амбиции и постоянный угар борьбы, в котором он находится, очень быстро приводят его к сопротивлению уже и в той стране, где он теперь живет. И вообще - этому сытому миру... Заканчивает он тем, что становится лидером красной террористической бригады «латиноамериканского разлива». Круг замкнулся. Что это означает? А то, что каждый должен оглянуться на себя, что пока все мы - в большой степени большевики. И та же чиновничья порука,

коррупция, отзвуки начальственного голоса, попытки сделать своевольно, а - не по закону. В связи с этим хотелось бы сказать, что на демократов, к которым с симпатией и сочувствием относится большая часть интеллигенции, смотрит слишком много ревнивых глаз. Когда промахов становится совсем много, люди, честные и порядочные, оказываются в рядах оппозиции. И это надо учитывать Правительству...

- Леонид Алексеевич, уж очень грустный у нас разговор получается. Но ведь есть же в нашей жизни и что-то хорошее?

- Безусловно. Я никогда, например, не думал, что у нас уже сейчас есть свои Бахрушины и Третьяковы. Оказывается, есть. Некоторые открывают на свои средства музеи, и даже нашлись люди, которые захотели субсидировать мой фильм. Хочу сделать картину о людях кино, которых когда-то знала вся страна. Они мелькнули, как звездочки, и умерли в забвении. Поколение еще живо, но их уже никто не помнит. А это были артисты, знавшие вкус славы: давно не появлявшийся Юрий Белов, так тихо угасший Леонид Харитонов, которого носила на руках вся страна. В фильме речь пойдет о нашем забвении, о том, что мы живем безоглядно...

Однако у нашего времени есть и завоевания - возможность высказывать то, что думаешь. Я не говорю о себе. Защищенный репутацией своего театра, я и прежде много «высказывался». Определенная оглядка, конечно, была, но была она минимальной, потому что я никогда не придерживался крайних взглядов. Сейчас так же, как и тогда, я считаю, что достаточно иметь собственный кодекс порядочности, основанный на евангельских заповедях, на внутреннем понимании жизни, - и все будет хорошо. Любая крайность ущербна. Любой радикализм - правый ли, левый - он всегда смыкается. По этому кругу ходить небезопасно. Человек в конкретной ситуации должен для себя решить, в чем истина, и в соответствии с этим совершать те или иные поступки. Стараясь никого при этом не толкать локтями...

